

## РЕЦЕНЗИИ

*Гречаная, Е.П. Когда Россия говорила по-французски: русская литература на французском языке (XVIII – первая половина XIX века) / Е.П. Гречаная. – М.: ИМЛИ РАН, 2010. – 383 с.*

В 1982 году Сергей Довлатов писал: «Национальность писателя определяет язык. Язык, на котором он пишет. Иначе все страшно запутывается» [1, с. 343]. Писатель-эмигрант, конечно же, знал о Дж. Конраде, В.В. Набокове или С. Беккете. Его высказывание вызвано заботой о сохранении «русского духа» в отрыве от национальной почвы, а не желанием упростить восприятие и описание карты литературного мира. Но, может быть, мысль Довлатова, несмотря на афористический характер, распространяется не на все культуры и эпохи? Рецензируемая книга, написанная Еленой Павловной Гречаной, подсказывает утвердительный ответ на этот вопрос и показывает, и объясняет, почему и каким образом в XVIII – XIX веках русская литература могла создаваться на французском языке.

Беглый просмотр оглавления может породить (но только у не вполне подготовленного читателя) еще один недоуменный вопрос: допустим, всё, что пишут русские, пусть и по-французски, принадлежит русской культуре, но относятся ли рассматриваемые исследовательницей бытовые тексты к литературе в ее стандартном понимании? Восемнадцатое столетие и начало девятнадцатого века – это то время, когда граница между искусственным и натуральным, художественным и бытовым стала чрезвычайно подвижной. Романы принимали форму переписки, а письма превращались в литературные творения; жизненные факты легко становились частью вымышленных сюжетов, а люди планомерно выстраивали свою жизнь по поведенческим моделям романских персонажей. Поэтому вполне уместно изучение созданных в XVIII – XIX веках дневников, путевых заметок, мемуаров, при условии, что они принадлежат «пограничной области литературы и быта», в которой тогда, как правило, говорили и писали по-французски [2, с. 322 – 323]. Отбор таких текстов, проведенный Е.П. Гречаной, на наш взгляд, безупречен.

Начинается же исследование с вполне привычного для литературоведения материала и хорошо знакомого автора, Василия Тредиаковского, и его сочинения «Езда в остров любви». В главе 1, названной «У истоков русской литературы на французском языке: В.К. Тредиаковский», известные факты предстают в новом измерении и значении, поскольку помещены в более сложный историко-культурный контекст. Пребывание русского писателя в Европе оценивается не столько как освоение наук, очередной пример вдохновленной Петром I тяги к западному знанию, но преимущественно как увлечение французской галантной культурой, освоение правил «светского общежития». В этом заключается принципиальное отличие В.К. Тредиаковского от большинства русских путешественников конца XVII – первой половины XVIII века. Культурным «ученичеством» объясняется также выбор для перевода «Путешествия на остров Любви, или Ключа к сердцам» (*Le Voyage de l'isle d'Amour ou La Clef des cœurs*) Поля Таллемана. Это французское произведение середины XVII столетия представлено в соответствующем разделе книги как образец галантной литературы вместе со многими похожими сборниками, которые, по мнению Е.П. Гречаной, могли быть знакомы Тредиаковскому. Заимствуя сложную композицию (прозаические повествовательные эпизоды и поучающие размышления чередуются с любовными стихотворениями), тематику сочинения П. Таллемана, русский писатель неизбежно воспринимает и его стилистику. Однако французский словарь галантной культуры не мог свободно уложиться в русский язык первой трети XVIII века, поскольку подобных социальных явлений в петровской и послепетровской Руси не существовало. Казалось бы, налицо принципиальная «взаимная непереводимость» двух культур, определенная в свое время Ю.М. Лотманом. Е.П. Гречаная демонстрирует, как Тредиаковский преодолевает культурно-языковой барьер, хотя этот процесс, в особенности в переводе и в меньшей степени в его оригинальных франкоязычных «Стихах на разные случаи», сопряжен с трудностями и многочисленными погрешностями, вроде синтаксических и лексических калек или избыточного развития темы или идеи оригинала. Тем не менее «Езда в остров любви» оказывается первым и успешным опытом введения в русскую прозу и поэзию тематики и топики чувственных переживаний, соответствующей стилистики, освоенных несколько раньше французской словесностью. Без этого иноязычного компонента, подчеркивает исследовательница, любовная лирика в России не могла бы состояться.

Глава 2 «Установить диалог» повествует о продолжателях дела Тредиаковского. Перед читателем несколько иная культурно-политическая ситуация. Со второй половины XVIII столетия, в особенности в два первых десятилетия правления Екатерины II, русская литература все больше обращается к западным образцам. Перед нами уже не ученичество, а равноправный диалог, вести который нужно на французском языке. Так делает граф А.П. Шувалов, чье «Послание к Нинон Ланкло» (*L'Épître à Ninon l'Enclos*) было высоко оценено Вольтером и приписано современниками самому фернейскому патриарху. Так делает князь А.М. Белосельский-Белозерский, чьи стихотворения и философские труды рассматриваются Е.П. Гречаной в контексте галантного способа мыслить, писать и говорить. Особая роль в налаживании культурного диалога между Россией и Францией справедливо отводится императрице Екатерине II. Ее знаменитый шуточный тон, в котором выдержана переписка с Вольтером, Ф.-М. Гриммом, принцем де Линем, памфлет «Противоядие» (*Antidote*) против автора «Путешествия в Сибирь» аббата Шаппа д'Отроша, родственен, как показывает исследовательница, характерной для французской галантной среды насмеш-

ке (*persiflage*). Чрезвычайно интересно и познавательно читать о менее известных, но оттого не менее значимых участниках русско-французского диалога: жене основателя Одессы графа де Рибаса А.И. Соколовой и ее переписке с «любезным философом» В. Жамре Дювалем; А.В. Нарышкине и его «Воспоминаниях о России...» (*Ressouvenirs de la Russie, écrits entre Aix La Chapelle et Spa*); дочери князя Белосельского З.А. Волконской и ее домашних сочинениях – стихах на случай, «экзотических» новеллах – и историческом романе «Славянская картина пятого века» (*Tableau slave du cinquième siècle*), основанном на «Истории государства Российского» Карамзина. Франкоязычные русские литераторы, доказывает Е.П. Гречаная, принадлежат одновременно двум культурам, используя известный всей Европе язык, чтобы представить просвещенным народам свою малознакомую родину.

Русская литература на французском языке решала помимо национальных задач и частные. В главе 3 «Рассказать о себе» говорится о путевых дневниках (А.Б. Куракина, А.А. Голицына, Н.М. Строгановой, Н.П. Голицыной и др.), дневниках внутренней жизни (В.-Ю. Крюденер, Е.П. Чириковой, Е.А. Шаховской и др.), мемуарах (Екатерины II, С.Р. и А.Р. Воронцовых, Е.Р. Дашковой, П.А. Строганова и др.). Перед читателем раскрываются как абсолютно неизвестные, извлеченные исследовательницей из недр архивов памятники эпохи, так и ранее опубликованные тексты. Например, дневник путешествия по Голландии и Англии князя Александра Борисовича Куракина и дневник пребывания в Париже князя Алексея Андреевича Голицына были напечатаны в переводе и в оригинале и переводе соответственно, с комментарием, за два года до выхода рецензируемой книги в специальном издании Института мировой литературы РАН [3, с. 225 – 334, 381 – 400]. Однако и перевод, и филологический и историко-культурный комментарий Е.П. Гречаной гораздо точнее, тоньше и детальнее. Она убеждает, что знаменитые и забытые русские аристократы пишут по-французски, на языке той культуры, в которой они живут по факту рождения, не для того, чтобы заполнить свободное время. Они «пишут себя», создают свой внутренний облик, выражают такие переживания, для которых в XVIII – начале XIX века еще затруднительно найти русские слова. Опорой для их высказываний о себе (прежде всего для женщин) служат чувствительные романы М.-Ж. Риккони, С.-Ф. де Жанлис и Ж. де Сталь, мемуары госпожи де Ментенон, «Исповедь» Ж.-Ж. Руссо, литературно-дидактические сочинения Л.-А. Караччоли. Как неоднократно отмечает Е.П. Гречаная, иногда русские аристократы-литераторы превосходят французские образцы чистотой языка и тонкостью наблюдений. Это – не голословное утверждение из патриотических чувств: в книге приведено много подтверждающих его свидетельств из воспоминаний, дневников, писем европейских сочинителей, бывших в знакомстве с упомянутыми в этой и других главах участниками русско-французского диалога.

В главе 4 «Освоить искусство общежития» исследование логично переходит от выявления аспектов национально-культурного строительства и личностного самораскрытия к рассмотрению еще одной задачи русской литературы на французском языке – создания правил жизни в обществе. До 1750-х годов практики светского общежития (то есть совместного «полезного и приятного» времяпрепровождения и развлечения) русский императорский двор и аристократия не знали. Из французской галантной культуры заимствовались обычаи, нормы и атрибуты данной практики: литературная игра, общение посредством поэтических посланий «на случай», циркуляция в узком кругу рукописных текстов, не предназначенных для печати, запрет на серьезность и обязательность иронического тона в сочинениях, ведение альбомов, домашние театральные представления. Богатейший материал для изучения этого явления в русской словесности рубежа XVIII – XIX веков Е.П. Гречаная черпает из библиотеки барона А.С. Строганова, хранящейся в Томском государственном университете. Исследовательница обращается к этому фонду впервые после 1939 года, когда М. Азадовским были напечатаны неизвестные ранее стихи Кс. де Местра и З.А. Волконской. Подробно проанализированы сборники, созданные «Строгановской академией» (так в шутку называли себя входившие в это дружеское сообщество аристократы) между 1807 и 1812 годами. В числе авторов, писавших в альбомы барона А.С. Строганова, знаменитейшие франкоязычные литераторы того времени (Ж. де Сталь, принц де Линь, Кс. де Местр) и русские сочинители, которые теперь выходят из безвестности (мать барона Н.М. Строганова, З.А. Волконская и ее сестра М.А. Власова, А.П. Хвостова, В.В. Ханыков). Помимо открытия новых имен, Е.П. Гречаная делает важное наблюдение, вытекающее из анализа русской альбомной культуры на французском языке: «...тексты, фигурирующие в сборниках А.С. Строганова, создаются в основном вокруг женщин и самими женщинами. Строгановская академия – один из первых кружков, в котором такое их количество предается литературным занятиям [...] Эта феминизация культуры – составной элемент галантного идеала, каким он сформировался во Франции» [4, с. 235]. В контексте женской темы автор рассматривает франкоязычную анакреонтику, «веселые» куплеты В.Л. Пушкина, помещенные преимущественно в альбомах светских дам, стихотворения на случай А.М. Белосельского, П.А. Голицыной и принца де Линя, обращенные друг к другу в виде игровой беседы, представления домашних театров Екатерины II и пьесы для «Гатчинского Арсенального Театра», посвященные их автором графом Г.И. Чернышевым императрице Марии Федоровне.

Глава 5 «Стать французским писателем» повествует о самых амбициозных русских авторах словесности рубежа XVIII – XIX веков, стремившихся войти в иноземную словесность в качестве «своего». Детально представлен творческий путь князя Б.В. Голицына – от детских сочинений и юношеских писем, за стилем которых внимательно и требовательно следила мать, Н.П. Голицына, до зрелых стихотворений (особое внимание уделено эклоге «Дорида», перепечатанной в «Литературной корреспонденции»

Гримма и Мейстера), литературно-критических заметок, публиковавшихся в Париже и Санкт-Петербурге между 1788 и 1813 годами и полностью растворенных во французской языковой среде и космополитической культуре Западной Европы. Достойное место отведено первому русскому роману, написанному по-французски в 1802 году графиней Н.П. Головкиной, – «Елизавета С\*\*\*, или История одной россиянки, опубликованная одной из ее соотечественниц» (*Elisabeth de S\*\*\*, ou l'Histoire d'une Russe, publiée par une de ses compatriotes*). Он весьма сдержанно был принят публикой, и в частности госпожой де Сталь, как считает Е.П. Гречаная, из-за чрезмерного увлечения описаниями внутренних переживаний и меланхолического колорита. Можно также объяснить относительный неуспех романа тем, что у главной героини-россиянки нет никаких характерных национальных черт, обязательных для чувствительной литературы, – та же Ж. де Сталь писала о героине своего известного романа, что Коринна – это сама Италия. Не уступал жене в литературных дарованиях и граф Ф.Г. Головкин, опубликовавший в 1820 году роман «Принцесса Амальфи» (*La Princesse d'Amalfi*), в котором, напротив, нет и следа новой моды на чувствительность, зато торжествует достаточно динамичный сюжет во вкусе времени, изображающий средневековую Италию, и французский язык в его «классической ясности и простоте», тех качеств, которые подчеркивались Вольтером», «образец французской литературы, очищенный от чуждых, по мнению автора, веяний» [4, с. 281]. «Наследницей Тамплиеров» по праву названа баронесса В.-Ю. Крюденер, чьи франкоязычные тексты создают поле транснациональных и даже наднациональных контактов. Несмотря на то, что и самой Е.П. Гречаной, и ее российскими коллегами в последние пятнадцать лет написано очень много, исследовательнице удалось в контексте работы сказать новое и значительное слово, подчеркнув ее состоявшееся стремление войти в литературный и культурный пантеон Европы. Завершается глава еще одной «семейной историей» – о сочинениях на французском языке, ориентированных на европейского читателя, дочери графа А.П. Шувалова, княгини П.А. Голицыной, и ее сына, князя Э.М. Голицына.

В «Заключении» Е.П. Гречаная подытоживает исследование хронологической картиной становления русской литературы на французском языке, выделяет основные функции языка (установление межкультурного диалога, оформление новых мифов и новых типов художественной речи в национальной культуре, восприятие и самовосприятие общества и личности в новом контексте) и определяет сущность литературы на нем. Позволим привести себе два заключительных абзаца работы – мысль, содержащаяся в них ясна и логична, и не требует комментария: «Транснациональная по существу, русская литература на французском языке всегда была открыта для различных литературных и культурных влияний. Выражающая ценности, почерпнутые одновременно в европейском и национальном наследии, эта литература отражает определенную амбивалентность новой русской культуры, способной к раздвоению и самовосприятию с различных точек зрения. Сохраняя зачастую патриотическую составляющую, французские тексты представителей России открывают и поддерживают транснациональную перспективу, благоприятствующую сближению различных культур и их взаимопониманию» [4, с. 319 – 320]. Читатель может убедиться в истинности выводов не только благодаря стройной системе доказательств, но также самостоятельно ознакомившись с некоторыми анализируемыми текстами в оригинале. В приложении впервые публикуются ценнейшие, трудно доступные и ранее неизвестные ни специалистам, ни любителям сочинения: стихотворения А.П. Шувалова, Б.В. Голицына, А.М. Белосельского-Белозерского, Ф.Г. Головкина, А.С. Строганова, В.В. Ханыкова, В.Л. Пушкина, З.А. Волконской, письма Н.П., Б.В. и П.А. Голицыных, малая проза Н.М. Строгановой, А.П. Хвостовой, З.А. Волконской, В.-Ю. Крюденер.

Чтение монографии Елены Павловны Гречаной доставляет истинное интеллектуальное наслаждение и вдохновляет на поиски белорусской литературы на французском языке – как из-за увлекательности темы, так и из-за её абсолютной неразработанности. Трудно говорить о национальной литературе, ведь в рассматриваемый в книге Е.П. Гречаной период нет еще ни белорусской государственности, ни национального самосознания. Но это не отменяет существования текстов на французском языке, созданных в Полоцке, Могилеве, Витебске, Гродно и хранящихся в архивах и библиотеках Минска, Санкт-Петербурга, Москвы, Вильнюса, Киева, Кракова. Их анализ тоже даст ответ на вопрос: когда, кто, как и зачем говорил на белорусских землях по-французски.

#### ЛИТЕРАТУРА

1. Довлатов, С. Собр. соч.: в 4 т. / С. Довлатов; сост. А. Арьев. – СПб.: Азбука-классика, 2006 – 2007. – Т. 4. – 2006. – 460 с.
2. Вацуро, В.Э. С.Д.П. Из истории литературного быта пушкинской поры / В.Э. Вацуро. – М.: Книга, 1989. – 415 с.
3. Россия и Запад: горизонты взаимопознания. Литературные источники последней трети XVIII века. Вып. 3 / отв. ред. Н.Д. Блудилина. – М.: ИМЛИ РАН, 2008. – 849 с.
4. Гречаная, Е.П. Когда Россия говорила по-французски: русская литература на французском языке (XVIII – первая половина XIX века) / Е.П. Гречаная. – М.: ИМЛИ РАН, 2010. – 383 с.

**Д.А. КОНДАКОВ**, кандидат филологических наук, доцент  
(Полоцкий государственный университет)